

Раздел «Литературные и фольклорные произведения»
Подраздел «Детский фольклор»
Лекции 3–4

1. Потешный фольклор:
 - а) словесные игры, голосянки, молчанки
 - б) поддевки (ловушки)
 - в) небылицы-перевертыши
 - г) загадки
 - д) скороговорки
2. Бытовой фольклор:
 - а) детские песенки
 - б) заклички и приговорки
 - в) прозвища и дразнилки
 - г) страшилки и садистские стихи
3. Пословицы и поговорки

1. Потешный фольклор

Потешный фольклор – произведения, назначение которых состоит в том, чтобы позабавить, «потешить» детей. Часто сопровождается вспомогательными действиями, не имеющими драматического развития.

Согласно классификации М. Н. Мельникова, в эту группу включаются: словесные игры, голосянки, молчанки, поддевки (ловушки), скороговорки, небылицы-перевертыши, загадки.

Словесные игры. (В XIX веке была распространена игра «Курилка», описана Авдеевой в 1837-ом году); «Захарка».

Гори, гори жарко,
Приехал Захарка,
Сам на тележке,
Жена на кобылке,
Дети на санках,
В черных шапках.

Суть игры состоит в том, что дети передают друг другу горящую лучину. Проигравшим считается тот, в чьих руках она погаснет. Эти игры в древности, вероятно, воспроизводили разные способы сохранения огня. (Проигрывал тот, кто недостаточно искусен в этом). В древности умение сохранять огонь в любых условиях было необходимо для выживания. Наиболее умудренным опытом хранительницам очага поручалось обучение детей обращению с огнем.

«Барыня» – игра, в основе которой лежит диалог. Начинается с игровой приговорки:

Барыня прислала туалет,
В туалете сто рублей,
Что хотите, то берите,
Черно с белым не носите,
«Да» и «нет» не горите,
Не смеяться, не улыбаться,
Губки бантиком не строить.

В ходе игры один ребенок задает вопросы («Вы поедите на бал? Какого цвета у вас будет платье?») и т. п.), другой – отвечает. Задача первого из игроков состоит в том, чтобы «заставить» второго сделать ошибку (назвать черный или белый цвет, засмеяться и др.)

Голосянка

Эта игра в настоящее время забыта. В начале игры звучала фраза «Давайте голосянку тянуть. Кто не вытянет, того за волосы драть». Играющие должны были «тянуть» гласный звук в слове «драть» («дра-а-ать»). Проигравшим считался тот, кто «выдыхался» первым.

Примечательно, что голосянку можно встретить в одной из сказок о животных «Лиса и дрозд». В этом произведении рассказывается о том, как звери попадают в яму. Просидев в яме

несколько дней, они захотели есть. «Лиса говорит: Давайте мы песню «Валька-дралька!» споем! Все согласились. И начали они петь:

– Валька-дралька, Кто не вытянет,
Спой голосянку, Того за уши потянем!
Вот зайчик и не дотянул. Они зайчика за ушки, разодрали и съели».

Молчанка

Начиналась с произнесения игровой приговорки, например, такой:

Ехали татары, кошку потеряли.
Кошка сдохла, хвост облез,
Кто промолвит, тот и съест,
Кто засмеется, тот кошачьей крови напьется.

После произнесения игровой приговорки, «запрещалось» говорить и смеяться. Проигрывал тот, кто произносил первое слово или начинал смеяться.

В настоящее время существует достаточно значительное количество молчанок. Ряд из них представляет собой варианты одного и того же текста

Раз, два, три!	Венчики, венчики,
Ничего не говори.	Летали бубенчики
Рты закрыты на крючок,	По травке и росе,
Кто проговорится, тому щелчок!	По чужой стороне,
(Кто откроет первый рот –	Собирали орешки,
Тот получит шишкой в лоб!)	Медок, сахарок.
	А теперь – молчок!

Чок, чок,	Шел Молчан
Зубы на крючок,	По крутым горам.
А язык на палочку,	Кто не молчал,
Молчок!	Того за уши драл!

Чок, чок, чок,	Ты рыбак, и я рыбак.
Зубы на крючок,	Ловись, рыбка! Ловись, рак!
Кто слово скажет,	Тихо! Тишина! Молчок!
(Кто заговорит)	Кто слово скажет – тот червячок!
Тому в лоб щелчок!	

Раз, два, три, четыре, пять

С этих пор молчать

Ссылаясь на воспитателей ДООУ (студентов заочного отделения), можно говорить о том, что в настоящее время молчанки широко используются для того, чтобы успокоить детей.

Поддевки (ловушки)

Поддевки – веселые шутки, средство забавы «за счет товарища», основанные на игре словом и словесном действии (близки к словесным играм).

Термин «поддевки» был введен Виноградовым, который отнес такие произведения к сатирической лирике. У Кравцова «ловушки» («Я пойду в лес...») и поддевки («Скажи: «Топор»») разделены, охарактеризованы как два разных жанра.

В книге Мельникова говорится об одном жанре, имеющем ряд разновидностей:

1) поддевки-заманки. Например, а) один из детей предлагает другому говорить следом на нем определенные фразы. При этом первый использует предлоги «в», «на», второй должен использовать «из», «с» («со»).

– Я пойду в лес. – Я из леса;
– Я зайду в дом. – Я из дома;
– Я на стол. – Я со стола;
– Я на кровать. – Я с кровати и т. п.

Суть игры сводится к тому, что второй играющий должен «заговориться» и после фразы

товарища «Я на рака» произнести «Я с рака» (таким образом назвав себя «нехорошим словом»);

б) «Я буду рассказывать, а ты говори: «И я тоже...» (по книге М. Н. Мельникова)

– Пошли мы в лес. – И я тоже.

– Вырубили корыто. – И я тоже.

– Налили помой. – И я тоже.

– Свиньи стали есть. – И я тоже.

– А ты разве свинья?

Как и словесные игра, такая «заманка», учит ребенка быть чутким к слову и контролировать свою речь;

2) поддевки искусственного диалога.

Один ребенок предлагает другому произнести какое-либо слово. Сам он называет слово рифмующееся с произнесенным и содержащее «уничижительную» характеристику говорящего или члена его семьи:

– Скажи: «Топор». – Топор. – Твой батька вор;

– Скажи: «Медь». – Медь. – Твой батяня медведь;

– Скажи: «Двести». – Двести. – Сиди, дурак, на месте

– Скажи: «Лапша». – Лапша. – Ты – дочь алкаша

– Скажи: «Ватрушка!» – Ватрушка. – У тебя в руках лягушка!

– Скажи: «Подушка!» – Подушка. – Ты скользкая лягушка! и др.

3) поддевки естественного диалога (внешне не выделяющиеся из речевого потока).

– Сенька! Под ногами-то грязь... После того, как тот, кому адресована фраза, невольно смотрит вниз: «Не кланяйся, я тебе не князь».

4) поддевки-загадки (очень немногочисленные, но достаточно популярные в детской среде):

Один ребенок предлагает другому разгадать загадку:

Мишка, Гришка и Щипай

Ехали на лодке.

Мишка, Гришка утонул,

Кто остался в лодке?

После того, как прозвучит ответ («Щипай!»), говорящий начинает щипать ответившего.

Еще одна загадка:

А и Б сидели на трубе.

А упало, Б пропало.

Кто остался на трубе?

Тот, кто не знает, что «на трубе осталось», заслуживает насмешку.

5) поддевки-шутки (строятся в форме вопросов и ответов или в форме стишка с «поддевкой» в конце):

– Щи или каша? – Каша. – Пуговица наша (Имитируется отрывание пуговицы);

– Щи или каша? – Щи. – Пуговицу ищи (Имитируется то же действие);

– Скажи: «Овёс!» – Овес. – Хвать тебя за нос!

б) поддевки-присловья (по форме близки к поддевкам естественного диалога, «приклеиваются» к словам собеседника):

Ребенок, не расслышав товарища, спрашивает: «Кто?». Ответ: «Дедушка Пыхто и бабушка Никто!».

Небылицы-перевертыши

Произведения, в которых изображаются события, противоречащие здравому смыслу. (Иногда небылицы и перевертыши выделяют в самостоятельные группы произведений, но вопрос об их разграничении спорен).

Проблемы происхождения:

– создавались взрослыми для детей (Аникин);

– собственное творчество детей (Чуковский);

– создавались взрослыми для взрослых, вошли в детскую поэзию из творчества народных «актеров» – скоморохов (Мельников).

Для «скоморошин» характерна «перестановка объекта действия», вызванная стремлением обрисовать юмористическую ситуацию. Ту же функцию – развеселить – выполняют и перевертыши (по словам Мельникова, они чаще всего бытуют в среде детей 5-ти лет).

Очевидно, что небылицы-перевертыши выполняют познавательную функцию: они способствуют развитию логического мышления, рассудочной деятельности ребенка, дают ему материал, требующий анализа.

Небылицы – свойства и функции одного предмета приписываются другому (В этом плане они близки к прибауткам, входящим в поэзию пестования, в которых животные наделяются человеческими качествами).

Перевертыши – произведения, в основе которых лежит принцип обратной координации.

<p>Рано утром вечером Поздно на рассвете Баба ехала верхом, Развалясь в карете А за нею во всю прыть, Тихими шагами Волк старался переплыть Миску с пирогами Кто-то на небо взглянул, Там землетрясение. Отчего-то кот чихнул – Завтра воскресенье</p>	<p>Ехала деревня Мимо мужика, Вдруг из-под собаки Лают ворота Выскочила палка с бабою в руке И давай дубасить коня на мужике Лошадь ела сало, а мужик овес Лошадь села в сани, А мужик повез</p> <p>Жив-здоров, Лежу в больнице, Сыт по горло – Есть хочу, Хоть корову проглочу!</p>
---	--

Загадки

В древности они были связаны с иносказательной речью, с запретом прямо называть какие-то предметы, явления, животных и т. п. По мнению ученых, «отзвуком» такого запрета можно считать, например, слово «медведь»; «описательный оборот» – «ведающий медом».

В последующем загадки стали простым умственным состязанием. Загадка стала служить средством развлечения молодежи на вечерках, своеобразной умственной игрой, состязанием в сообразительности. Форма загадок стала преимущественно поэтической (стихотворной), особое значение приобрела рифма.

Нет точных указаний относительно того, когда загадки перешли к детям. Но уже в XIX веке они параллельно бытовали в репертуарах взрослых и детей, начали вводиться в педагогическую литературу. Это было признанием их педагогической ценности.

Значимость загадок исследователи видят в том, что они знакомят ребенка «с радостью мышления», направляют внимание на предметы, явления и их специфические признаки, побуждают глубже вникать в смысл словесных обозначений этих предметов, повышают силу воображения.

По словам М. Н. Мельникова, «решающую роль в поддержании интереса играют, с одной стороны, конкретность, доступность и красочность образов, звучность рифм, с другой – стремление «испытать других в мудрости, получить удовольствие превосходства над другими, менее умудренными, не столь опытными»».

Каждая новая загадка, разгаданная ребенком, укрепляет в нем чувство собственного достоинства, является очередной ступенькой в развитии его мышления. Если же загадка не разгадана, это вызывает в нем жажду познания, чтобы сравняться с другими, «не быть хуже других»

Загадка, таким образом, стимулирует умственную деятельность детей, прививает вкус к умственной работе».

Даже если ребенок не может отгадать загадку, а узнает ответ, это помогает ему взглянуть на вещь и явление с новой стороны, обогащает словарный запас (учит «видеть» прямое и переносное

значение слов, чувствовать ритм, улавливать рифмы).

Загадка раскрывает перед детьми метафорические богатства русского языка. Метафоры не характерны для детского фольклора, и знакомство с ними, по сути, начинается с загадок.

Ученые исследуют загадки почти двести лет. В связи с этим данному жанру посвящено множество работ.

В них даются определения загадок, например, такие:

– «Загадка – краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» (В. И. Даль);

– «Загадка – краткое, требующее отгадки, опирающееся на иносказание (чаще всего метафору во всех ее проявлениях) поэтическое произведение о явлениях природы и предметах, окружающих человека и его повседневной жизни и труде» (В. В. Митрофанова).

Загадок чрезвычайно много, в связи с чем их принято классифицировать. В частности, по тематическому составу загадки делятся на 7 групп: 1) человек и его тело; 2) предметы материальной культуры; 3) предметы и понятия духовной культуры; 4) мир животных; 5) растительный мир; 6) вселенная и явления природы; 7) загадки-шутки (такая классификация дана в учебнике «Устное народное творчество» под ред. А. Н. Новиковой (1978)).

(Попутно можно отметить, что на основе этой классификации создавались и другие, более «дробные». В одной из таких классификаций внутри групп выделяются подгруппы. Например, загадки первой группы подразделяются на те, в которых говорится: а) о внешнем виде человека, частях его тела; б) о родственных отношениях, о семье; в) об одежде и украшениях; г) о пище и питье; д) о средствах передвижения. В отдельные группы выделяются загадки о трудовой деятельности человека, загадки о жилище; загадки о музыкальных инструментах; загадки о грамоте, письме, книге, почте, буквах алфавита и т. п. Но, очевидно, что вопрос о том, как разделять загадки, находится прежде всего в ведении ученых. Педагогов должны интересовать загадки сами по себе, как материал, который позволяет активизировать умственную деятельность детей.

Как уже было отмечено, загадок существует очень много.

Например:

Как зайдет в дом – не выгонишь, а пора приходит – он и сам уходит (Луч солнца);

Не разобьешь горшочка – каши не поешь (Орех);

Кто в лесу без топоров строит избу без углов? (Муравьи);

Стучу – голова болит, а не стучу – голодный (Дятел);

Два кольца, два конца, в середине гвоздик (Ножницы);

Белые горошки на зеленой ножке; стоят на ветру, шатаются (Ландыши).

Ритмичные и рифмованные загадки:

Весной веселит, летом холодит, осенью питает, зимой согревает (Дерево);

Сам алый сахарный, кафтан зеленый бархатный (Арбуз);

Под землей птица гнездо свила, яиц нанесла (Картофель);

Посадили зернышко – вырастили солнышко (Подсолнух).

Загадки могут строиться не только на уподоблении каких-либо предметов и явлений, но и на том, что в них указывается на наличие различий (сочетающихся со сходными чертами):

Летит, а не птица, воеет, а не зверь (Ветер);

Дома живет, не птица, а с перьями (Подушка);

Не огонь, а жжется (Крапива);

Не куст, а с листочками, не рубашка, а сшита, не человек, а рассказывает (Книга)

Загадка с одинаковым или аналогичным текстом может иметь несколько ответов:

Без окон, без дверей, полна горница людей (Огурец, Тыква, Арбуз, Горох и т.п.); Ни окошек, ни дверей – полна стайка лебедей (Огурец, Тыква, и т. п.; Арбуз и Горох в этом случае «не подходят», поскольку слово «лебеди» в загадке указывает на белые семечки);

Зеленый (желтый) теленочек привязан веревочкой, лежит на боку и толстеет (Огурец; Тыква, Арбуз и т. п.) Золотой теленок на привязи толстеет (Дыня).;

Красная девица сидит в темнице, а коса на улице (Морковь, Свекла, Редис(ка) и др.);

Круглый хлевец полон белых овец (Дыня, Тыква).

Загадка может иметь не один, а несколько ответов:

Отворю я хлевец, выпущу стадо белых овец (Рот и зубы);

Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый (Небо, звезды и месяц);

Раскинут ковер, рассыпан горох. Ни ковер не поднять, ни гороху собрать (Небо и звезды);

Золотой хозяин на поле, серебряный пастух с поля (Солнце и месяц);

Толстый тонкого побьет, тонкий что-нибудь прибьет (Молоток и гвоздь)

Об одном и том же явлении природы (предмете и т. п.) может быть сложено несколько загадок:

а) Маленький, пузатенький, а весь дом бережет; Не лает, не кусает, а в дом не пускает (Замок);

б) Маленький, удаленький, сквозь землю прошел, красну шапочку нашел; Стоит Антошка на одной ножке. Кто не пройдет, всяк поклонится (Гриб);

в) Без счету одежек, и все без застежек; Рос ребенок, не знал пеленок. Стал стариком, сто пеленок на нем; Заплата на заплатке, а ни одного стежка; Голова большая, шея тоненькая (Капуста);

г) Без рук, без ног, а рубашку просит (носит); Два брюшка, четыре ушка. Что это такое?; Набита пухом, лежит под ухом; Что выше без головы, чем в головой?; Дома живет, не птица, а с перьями (Подушка);

д) Сидит дед, в сто шуб одет, кто его раздевает, тот слезы проливает; Не бьет, не ругает, а плакать заставляет (Лук);

Существует ряд загадок, в которых повторяются отдельные образы:

а) Без рук, без ног, а в гору лезет (Тесто)

Без рук, без ног, а рубашку просит (носит) (Подушка);

Без рук, без ног, а ворота открывает (Ветер);

б) Стоит Антошка на одной ножке. Кто не пройдет, всяк поклонится (Гриб);

Стоит Антошка на одной ножке. Где солнышко встанет, туда и он глянет; (Желтый Антошка вертится на ножке. Где солнышко стоит, туда он и глядит) (Подсолнух).

Развитие общества оказывает свое влияние на загадки. В связи с этим существует еще одна классификация загадок; они разделяются на «старинные» и «современные».

Многое из старого крестьянского быта непонятно современным детям, в связи с чем загадки, отражавшие этот быт, выходят из употребления. Их и называют «старинными». Например, большинству современных детей будет непонятна загадка «Маленький, горбатенький, все поле обскакал, домой прискакал, весь год пролежал» (Серп, о котором говорится в этом тексте, неизвестен детям; даже если ребенку объяснить, что представляло такое орудие труда, это не вызовет зрительного образа). Далек не всем городским дошкольникам будет доступна для понимания загадка: «Посреди двора стоит копна, спереди вилы, а сдали метла» (Корова). Корову они, конечно, видели на картинках, а вот значения слов «копна», «вилы» многим из них неизвестны. Трудно будет ребенку постичь и смысл загадок «Черный конь машет в огонь» (про чугунок, который ставят в русскую печь), «Железный нос в землю врос, роет, копает, землю поднимает (про плуг), «не бык, а бодает, не есть, а еду хватает; что схватит, отдает, сам в угол идет (про ухват).

В то же время загадка является «живым» фольклорным жанром; в связи с появлением новых предметов постоянно появляются «современные» загадки, которых не могло быть в древности:

Грамоты не знает, а газеты читает (Очки);

Висит груша, нельзя скушать (Электрическая лампочка);

Летит как стрела, жужжит как пчела (Самолет);

Жужжит, но не летает, от пыли дом спасает (Пылесос);

Примостился над дорогой и моргает очень много, изменяя всякий раз цвет своих округлых глаз (Светофор).

Попутно можно отметить, что переход загадок из одного разряда в другой происходит

постоянно.

Тематическая классификация, о которой говорилось выше, небыстречна, в связи с тем, что существуют загадки, которые могут быть одновременно отнесены к различным группам:

Один льет, другой пьет, третий зеленеет да растет (Дождь, земля, хлеб).

В связи с этим учеными предлагается еще одна классификация, в основе которой – учет их образного строя (то есть способа создания образов, основания, на котором они базируются). Способов «запутывания» отгадывающего и наведения его на правильный путь существует много. В связи с этим выделяются загадки-описания, сравнения, загадки-метафоры, звукоподражательные. Ссылаясь на приведенные выше и другие тексты, можно сказать, что:

– метафоры (скрытые сравнения) лежат в основе загадок «Красная девица сидит в темнице, а коса на улице» (Морковь и др.), «Поле не меряно .овцы не считаны, пастух рогатый» (Небо, звезды и месяц), «У двух матерей по пяти сыновей» (Руки и пальцы); «висит сито, не руками свито» (Паутина), «Голубой шатер весь мир накрыл» (Небо), «В огороде у дорожки стоит солнышко на ножке» (Подсолнух). Разгадывание таких загадок предполагает «расшифровку» метафор. Необходимо сопоставить предметы, явления и др. из разных, иногда очень далеких друг от друга областей, увидеть в них сходство;

– на описаниях строятся загадки «Сам алый сахарный, кафтан зеленый бархатный» (Арбуз), «Кругом вода, а пить нельзя» (Море), «Плавала, купалась, сухою оставалась» (Утка), «Летом серый, зимой белый» (Заяц), «Красная вода, зеленые берега, черные рыбки» (Арбуз), «Растут – зеленые, упадут – желтые, полежат – черные» («Вырастают зелеными .опадают желтыми») (Листья), «Растет в земле на грядке .красная, длинная, сладкая» (Морковь); «Четыре братца под одной крышей стоят» (Стол).

При этом в одних загадках обрисовываются признаки, в других – действия, иногда – и то, и другое: «Лесом катится клубок, у него колючий бок» (Еж), «Вся мохнатенькая, сама усатенькая. Днем спит, хвостом теребит, а ночью бродит, на охоту ходит» (Кошка);

– загадки «Кругла как мяч, желта как репа» (Луна), «Зеленый как трава, играет как скрипка» (Кузнечик) основаны на сравнениях;

– в основе загадок могут лежать не только прямые сравнения, но и отрицательные; такие загадки встречаются чаще: «Не огонь, а жжется» (Крапива); «Дома живет, не птица, а с перьями (Подушка). В загадках не обязательно используется одно сравнение, их может быть несколько: «Бежит, но не конь, шумит, но не лес (Река), «Светит, а не лампа, тает, а не снег, капает, а не дождь» (Свеча); «Не наездник, а со шпорами, не сторож, а всех будит» (Петух), «Кругла, а не мяч, желта, а не масло, с хвостом, а не мышь» (Репа);

– звукоподражательные загадки – это тексты, в которых образность создается не только за счет слов, но и с помощью звуков:

– Не жужжу, когда сижу, не жужжу, когда хожу, не жужжу, когда тружусь, а жужжу .огда кружусь (Пчела).

Очевидно, что в звукоподражательных загадках звуки выполняют вспомогательные функции, они сочетаются с определенными признаками:

Молочка ему все мало,

Он мяучит: «Мяу, мяу, мау!» (В данном случае начало загадки указывает на какое-то существо, которое любит пить молоко).

Ю. К. Кругловым («Русские народные загадки, пословицы, поговорки») предложена еще одна классификация, в соответствии с которой выделяются:

загадки-иносказания, загадки-описания, загадки-вопросы, загадки-задачи.

Загадки-вопросы и загадки-задачи считаются самыми поздними по происхождению.

Вопросы, очевидно, имели вначале чисто познавательные функции (то есть требовали прямого ответа на прямой вопрос): «Кто на себе свой дом носит (возит)?» (Улитка), «Чего в доме видно? (Тепла). Позже появились развлекательные вопросы, требующие внимания к слову и умения рассуждать:

– «Может ли петух назвать себя птицей?» (Нет, он не может говорить);

– «Кто два раза рождается, один раз умирает?» (Птица);

- «Одного отца, одной матери, а ни тому, ни другому не сын. Кто это?» (Дочь);
- «Какой в реке камень?» (Мокрый),
- «От чего утра плавает?» (От берега),
- «Что стоит посередине Волги?» (Буква «л»).

Существует целый ряд подобных загадок, строящихся на «игре со словами»:

- «Сидел дед, ел с Аленой (произносится не очень внятно, чтобы слышалось «соленый») огурец. Половину съел дед, кто съел вторую? (Алена);
- «На бал кони (слышится «на балконе») ходят? (Нет);
- Сидел дед в тюрьме, ел хлеб с ухой (слышится «сухой»). Когда его выпустили, нашли косточки. Откуда они взялись? (Косточки от рыбы) и т. п.

Загадки-задачи требуют не только развитого внимания и наличия логического мышления, но нередко и арифметических вычислений, более или менее сложных. Поэтому такие загадки могут быть доступны только детям, умеющим считать. Само содержание задачи говорит о том, дошкольнику какого возраста она будет под силу. Если ребенок уже знает счет до 10-ти, ему могут быть заданы загадки: «Сидят три кошки. Напротив каждой – по две кошки. Сколько их всего?» (Три); «У семерых братьев по одной сестрице. Много ли всего? (Восемь) или «У семерых братьев по одной сестрице. Много ли сестриц? (Одна); «два сына, два отца поделили три яйца. Как поделили, что ни одного не разбили? (Яйца делили три человека: дедушка, отец, сын).

Широко известна загадка-задача, которая предназначена для школьников: «Летела стая гусей. Навстречу еще один гусь. Он крикнул: «Здравствуй, сто гусей!». А они ответили: «Нас не сто. Нас столько, да столько, да еще полстолько, да еще четверть столько, да ты один гусь, тогда нас будет сто». Сколько было гусей? (36 гусей).

К загадкам-задачам близки те, которые требуют выполнения определенного задания (такие загадки предназначены для детей, знающих буквы и умеющих писать):

а) написать в двух клеточках слово «уточка» (В одной клеточке будет буква «у», в другой – точка);

б) написать в 9 клеточках «Анюточка, голубочка» (вариант: в 16 клеточках – «Анюточка, голубочка, прелестница моя»

(ответ должен выглядеть следующим образом: Аню (3 клеточки) + точка (одна клеточка) + голу (4 клеточки) + рисунок бочки (1 клеточка); вариант: Аню (3 клеточки) + точка (одна клеточка) + голу (4 клеточки) + рисунок бочки (1 клеточка) + пре + рисунок лестницы (одна клеточка) + моя (3 клеточки).

Существуют также «загадки-складки», которые обычно предназначены для самых маленьких дошкольников. Это загадки легко разгадываются, так как ответ «напрашивается» сам собой, вернее, подсказывается рифмой:

Молочко он часто пьет? Кто же он? Пушистый... (Кот);

Тучки в небе побежали, я раскрою зонтик,

Дружно капли заплясали. Это значит... (Дождик).

Такие загадки подготавливают детей к восприятию более сложных загадок.

Наряду с этим существуют загадки-обманки. В них «напрашивается» рифма, точнее рифмующееся слово, которое заставит дать неверный ответ. Например,

– Белым снегом все одето. Значит, наступило... (Лето (Зима));

– Кто любит по ветвям носиться? Конечно, рыжая... (Лисица (Белка));

– Ква-ква-ква - какая песня!

Что быть может интересней,

Что быть может веселей? А поет вам ... (Воробей (Лягушка)).

В настоящее время очень много подобных загадок можно найти в Интернете. По сути, они являются авторскими текстами, но становятся общенародным достоянием, как и все фольклорные тексты.

Среди разновидностей загадок, возникших в более позднее время, выделяются:

– загадки-шарады (в них несколько букв, слогов или частей слова описаны самостоятельно; по описаниям надо разгадать целое слово);

Мой первый слог – предлог, и во втором мы проживем все лето,
 А целое от нас и вас давно уж ждет ответа (За + дача);
 – метаграммы (из загаданного слова путем замены одного звука получается другое):

С «Ч» под морем я летаю,
 С «Г» в машинах я бываю (Чайка – Гайка);

– анаграммы (слова, получающиеся из других слов при обратном чтении или перестановке букв):

Легко дыша в моей тени, меня ты летом часто хвалишь,
 Но буквы переставь мои и целый лес ты мною свалишь (Липа – Пила);

– логогрифы (в их основе лежат слова, меняющие свое значение при прибавлении или отнимании букв):

Известное я блюдо, когда прибавишь «М»,
 Летать, жужжать я буду, надоедая всем (Уха – Муха).

В настоящее время очень популярными являются «игры» с детьми, в ходе которых они вместе со взрослым сами придумывают загадки (методика А. Нестеренко) Работа организуется следующим образом:

Модель 1.

Какой?	Что (кто) бывает таким?

Выбирается объект (предмет). Затем даются его характеристики по заданным признакам (левая часть). Потом даются сравнения и образные характеристики (левая часть). Две части соединяются между собой при помощи связок: как, будто; но не; но без; словно.

Модель 2.

Что делает?	Что (кто) делает так же?

Модель 3.

На что похоже?	Чем отличается?

Скороговорки

Скороговорки зародились на Руси в глубокой древности. Ученые не могут определить точное время их появления, но ссылаются на сами тексты, в которых встречаются слова, свидетельствующие о распространенности определенных предметов, верований и т. п. Например, скороговорка «Семь-те стрел каленых .страшилище» могла появиться до массового распространения огнестрельного оружия. О древности этого текста говорит и местоимение «-те». В некоторых скороговорках встречается древняя форма счета: «Пол-четверти четверика гороха без червоточинки». В скороговорке «Круг прорублю, мать проведу, сестру выведу» слышится намек на древние верования и обряды, связанные с кругом (М. Н. Мельников).

Скороговорки отразили различные стороны жизни русского народа, его повседневный быт, верования и т. п.:

Во двор вела вола,
 За рога вола вела,
 В хлев вела вола.

А вол в огород меня завел.

Вера в счастливые числа (три, семь) запечатлелась в скороговорках:

На семеры сани,

По семеры в сани.

Летят три пичужки
Через три пустых избушки.

В скороговорках говорится также о средствах передвижения («От топота копыт пыль по полю летит»), о домашних животных («Рыла, рыла свинья, вырыла полрыла»; «Свинья тупорыла весь двор перерыла», «Бык тупогуб, у быка губа тупа»), об отношениях крестьян:

Сосед сказал соседу:
– Сколько стоит стог сена?
Сосед сказал соседу:
– Стог сена стоит сто сот.

Впервые достаточно большое количество скороговорок (49) опубликовал В. И. Даль в книге «Пословицы русского народа» (1862). В этой книге не указывается на бытование этих произведений в детской среде; анализ текстов дает основание говорить об их принадлежности к фольклору взрослых. Записи, произведенные во второй половине XIX века, свидетельствуют о том, что взрослые постепенно теряли интерес к этому жанру, но видели его педагогическую ценность.

Употребление скороговорок детсья развивает у них чувство языка, учило правильному произношению звуков. Поэтому взрослые способствовали распространению скороговорок в среде детей. При этом «отсеивались» произведения, не соответствовавшие педагогическим воззрениям.

Скороговорки широко бытуют в наши дни. Особенно популярными являются произведения со сложным и богатым звуковым составом (обилием аллитераций, частыми повторами, внутренними рифмами и т. п.):

– Все бобры добры для своих бобряг;
– На дворе трава, на траве дрова;
– Ехал грека через реку,
Видит грека в реке рак,
Сунул грека руку в реку,
Рак за руку греку цап!;
– Мышонку шепчетмышь:
– Ты все шуршишь, не спишь!
Мышонок шепчетмышь:
– Шуршать я буду тише.

По мнению ученых, дети не только пользуются унаследованным от взрослых репертуаром, но и сами создают новые произведения. На это указывает новое, «школьное» содержание считалок:

Четыре черненьких чумазеньких чертенка
Чертили черными чернилами чертеж.

Предельная уплотненность труднопроизносимых и далеко не всегда благозвучных согласных в скороговорках не может быть объяснена ничем другим, кроме развития артикуляции речевого аппарата. Это давно поняли педагоги, и скороговорки стали инструментом совершенствования произношения детей.

Следует заметить, что придумывание скороговорок может стать одним из средств развития речи детей. Естественно, что такая работа должна проводиться под руководством педагога.

Громко каркала ворона.
Быстро прыгал воробей.
Серый кролик грыз морковку
(Серый кролик грыз морковку
Быстро-быстро, ловко-ловко: «Хрусть-хрусть!»)

2. Бытовой фольклор

В широком смысле этого слова бытовыми являются все жанры детского фольклора,

поскольку они тесным образом связаны с повседневным бытом детей. Но считалки, жеребьевые сговорки тесно связаны с играми (что позволяет их объединить по функциональному признаку), колыбельные песни, пестушки, потешки исполняются взрослыми для детей (в связи с этим их относят к «поэзии пестования»). В то же время в детском фольклоре есть ряд жанров, для которых характерна многофункциональность (детские песни, страшилки), сочетание игровой и «магической» функций (заклички и приговорки), нравоучительной и коммуникативной функций (дразнилки). По мнению М. Н. Мельникова, такие тексты следует объединить в отдельную группу.

Детские песенки разнообразны по форме и по содержанию. по музыкальному строю и характеру исполнения. Различны они и по объему (по минимуму содержат 4 строки).

О. И. Капица, классифицируя эти песенки, учитывала их генезис. В связи с этим были выделены:

1) песни, заимствованные у взрослых и переработанные детьми в соответствии с их эстетическими вкусами;

2) песни-осколки, обрывки песен взрослых;

3) песни, перешедшие от взрослых без изменения.

По мнению М. Н. Мельникова, к этому необходимо добавить: 4) песни, созданные самими детьми; 5) заимствованные из художественной литературы, мультфильмов и т. п.

По композиционному принципу песни разделяются на следующие группы:

1) песни диалогические:

Ты, коза, коза, коза,

Лубяные глаза

Где, коза была?

– Жеребят пасла.

– Где жеребята?

– В гору ушли и т. п. (Песня подобна прибаутке «Ты, сорока, ты, сорока...»);

2) песни кумялятивные (название происходит от латинского слова со значением «увеличение», «скопление»; для таких песен характерно «скопление» образов, повторение одних и тех же образов с дополнениями):

Было у вдовушки восемь дочерей

Стала их вдовушка замуж отдавать

Дает первой дочери быка да козла

Доморощенные

Дает второй дочери быка да козла и т. д.

3) песни с припевом (иногда не связанным с содержанием песни):

Растворю я хлебушко на дрожжах,

Не удержишь на вожжах,

Сашкин, Машкин,

Душкин, Лушкин,

На вожжах!

Прибавила гущи,

А их дует пуще,

Сашкин, Машкин,

Душкин, Лушкин,

Дует пуще

Кисли мои хлебушки

Ровно три неделюшки,

Сашкин, Машкин,

Душкин, Лушкин,

Три неделюшки! и т. п.

4) песни-перегудки (Они, как правило, имеют сюжет и дают картинные описания; большинство перегудок заимствовано из фольклора взрослых):

Жил-был у бабушки серенький козлик...

Журавль долгоногий на мельницу ездил... (прибаутка, которая «положена на музыку»).

В последнее время фольклорные песенки поются редко, чаще сказываются речитативом. Длинные кумулятивные песни вышли из детского обихода, диалогов практически не осталось, в основном детям известны коротенькие с занимательным сюжетом (песни-перегудки):

До -ре -ми - фа- соль - ля - си!
Села кошка на такси.
Заплатила сто рублей
И поехала в музей.
А котят прицепились
И бесплатно прокатились!

Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком,
Рассердился дед на бабу,
Бах по пузу кулаком.
А из пуза два арбуза
Покатились на базар,
Покатились на базар
И купили самовар.
(А из пуза два арбуза
Покатились кувырком).
(А из носа два матроса
Побежали босиком)

Два пупсика гуляли
В тропическом саду,
Штанишки потеряли
На полненьком ходу.
Шел какой-то дядя,
Штанишки подобрал,
А пупсики кричали:
«Украл, украл, украл!»
Их мама наругала
И уложила спать,
А пупсики кричали:
«Гулять, гулять, гулять!»

Среди диалогических песен самой известной может считаться «Чижик» с его многочисленными вариантами (песенка имеет одно начало – обращение к птичке, ее ответы разнятся):

– Чижик, пыжик, где ты был?
– На фонтане воду пил!

– Чижик, пыжик, где ты был?
– На фонтане (на базаре) воду (водку) пил,
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове!

Существуют также коротенькие песенки, по форме напоминающие частушки (обычно они состоят из 4, реже – 8-ми строк) и часто имеющие частушечный ритм (или также исполняющиеся речитативом):

Мама, папа, есть хочу,
Хлеба с маслом не хочу,
А конфетку – ам,
Никому не дам.

Чаще всего такие песенки по содержанию оказываются близки к небылицам:

На столе стоит стакан,
А в стакане – таракан,
Маша думала малина,
Откусила половину.

На столе стоит стакан,
А в стакане – таракан,
Мама думала малина,
Откусила половину.
На столе стоял стакан,
А в стакане – таракан,
Папа думал, что картошка,
Откусил еще немножко.

Елки-палки, дед на палке,
А старуха на рыбалке,
Дед полез на потолок
Прищемил себе пупок.

На столе стоит арбуз.
На арбузе муха.
Муха злится на арбуз,
Что не лезет в брюхо.

Ехала машина грузовая,
Задавила Николая.
Николай кричит: «Ура!
Позовите доктора!»

Гром гремит,
Земля трясется,
Это Машенька несется.

Мы купили ишака, и-а,
За четыре пятака, и-а,
Захотелось ишаку, и-у,
Переплыть Москву-реку, и-у,
Но ужасная (проклятая) река, и-а,
Утопила ишака, и-а.
Очень жалко ишака, и-а,
За четыре пятака, и-а.

На столе стоит стакан,
А в стакане – молоко,
Мы хотели искупаться,
Оказалось – глубоко.

На стене часы висели,
тараканы стрелки съели,
Мухи цепи оборвали,
И часы ходить не стали.

Шла гора по мостику
И виляла хвостиком.
За перила зацепила –
Прямо в речку угодила!

Обезьяна Чи-чи-чи
Продавала кирпичи.
Не успела все продать,
Убежала под кровать
(Не успела все продать,
Под кровать загнала мать)
(Не успела все продать,
Улетела под кровать,
А кровать уехала,
Обезьяна съехала) и др.

Учеными был записан ряд песенок, являющихся переработками известных песен для взрослых или детей (Эти тексты могут считаться яркими образцами произведений, созданных самими детьми). Например:

Расцветали веники в подвале,
Поплыли галоши по реке,
Выходила на берег корова
На высоком тонком каблуке (Создана на основе песни «Катюша»);

А я играю на гармошке,
Тренируюсь целый день.
Потому что, рядом мама,
А в руках – ремень (На основе песенки Крокодила Гены из мультфильма).

Заклички и приговорки

Закличками принято называть обращения к различным явлениям природы (солнцу, дождю и др.), **приговорками** – обращения к живым существам (М. Н. Мельников).

Генетически эти жанры восходят к фольклору взрослых, они зародились в глубокой древности, когда люди верили, что в окружающем мире все одушевлено и с силами природы можно общаться с помощью речи, обращаясь к ним с просьбами, призывами и т.п.

Ф. И. Буслаев, известный ученый XIX века, писал: «Призывание солнца и дождя в детских песнях, – основанное, без сомнения, на тех же первобытных воззрениях на природу, которым Афанасьев посвятил столько труда, – это древнейший мотив, проводящий по детским песням чуть ли не всех европейских народов и распространенный далеко за пределами народностей индоевропейских».

Со временем заклички (по терминологии О. И. Капицы – обращения) превратились в детские песенки или стишки, которыми дети забавлялись по какому-либо случаю (начался дождь, солнце скрылось за тучами и т. п.). Перейдя в детский фольклор, заклички (как и приговорки) потеряли изначальный смысл магического действия и приобрели игровой характер.

Заклички привлекали внимание многих собирателей фольклора. Еще в 1885-ом году И. П. Хрушев отмечал, что в закличках «сохранился древний языческий извод заклинания: «отворяет ворота ключиком-замочком, золотым платочком»».

Не угасал интерес к \тому жанру и в конце XIX– начале XX века. С. Н. Дурылин, изучавший детский фольклор Томска, Челябинска и некоторых других мест, писал:

«Дождик, дождик, перестань!

Я поеду во Ристань

Богу молиться,

Кресту поклониться –

и это известнейшее детское «заклинание» исчезает или исчезло уже – у детей фабричной улицы».

А. А. Кайев тридцатью годами позже рисовал совершенно другую картину: «Оказывается, в репертуаре советских детей – и городских и деревенских – живут по традиции многочисленные заклички – короткие поэтические обращения к солнцу и дождю».

Ряд закличек сохранился и до настоящего времени. По словам ученых. В одних районах они почти исчезли, в других сохраняются (по традиции). Большинство текстов укорочено, но многие из них сохраняют свои древние формы:

Дождик, дождик, дай воды,

По колено глубины!

Дождик, дождик, пуше,

Будет в поле гуще!

(Дам тебе гущи!).

Многие заклички

Некоторые заклички перешли в детский фольклор из книг:

Дождик, дождик, поливай,

Будет хлеба каравай.

Будут булки, будут сушки,

Будут вкусные ватрушки.

Заклички, обращенные к дождю, являются самыми распространенными. Обращения к солнцу встречаются реже, да и то с современными добавлениями и изменениями:

Солнышко, солнышко,

Выгляни в окошечко,

Там твои детки

Кушают котлетки.

Сохранились и обращения к отдельным растениям: «Матушка-репка, уродися крепка...».

В связи с тем, что заклички стали восприниматься как игра, появились заклички-пародии. В частности, такие:

Ероплан, ероплан,
Посади меня в карман!

А в кармане пусто –

Выросла капуста!

Самолет, вертолет,

Забери меня в полет.

А в полете пусто,

Выросла капуста!

К этому могут добавляться строки, благодаря которым закличка становится близка к дразнилке:

А в капусте червяки

Все мальчишки дураки!

Приговорки – это обращения к различным живым существам (бабочка, божья коровка и т. п.). Их различия не очень важны для детей: в силу особенностей своего мировосприятия они одушевляют весь мир.

Примеры:

– «Бабочка, бабочка, сядь на лавочку, дам булавочку»;

– «Божья коровка, улети на небо,

Там твои детки кушают котлетки (конфетки)
Все по одной, а тебе – ни одной
(Всем собакам раздают, а тебе не дают);
– Улитка, улитка, высунь рога,
Дам пирога.
Улитка, улитка, высунь рожки,
Там тебе картошки
И немножко пирога,
Только высунь рога.

Отзвуки древних магических представлений сохранились в обращении к мышке. Когда выпадает молочный зуб, ребенок бросает его со словами: «Мышка, мышка, на тебе костяной зуб, дай мне железный». Предполагается, что после этого у ребенка вырастут хорошие постоянные зубы.

Заклички и приговорки продолжают функционировать в детской среде, внося в жизнь дошкольников много забавного и занимательного, побуждая детей к речевой активности.

Прозвища и дразнилки

Древняя Русь не знала фамилий. Фамилии заменялись прозвищами, данными человеку окружающими. Многие современные фамилии генетически восходят к прозвищам.

Обычай давать прозвища сохранился до настоящего времени.

Каждое из прозвищ несет заряд исключительной эмоциональной силы и обычно имеет сатирическую направленность. Экспрессивность прозвищ не могла не привлечь детей, и они переняли от взрослых это своеобразное проявление культуры народа. Г. Н. Потанин писал: «...дети дают друг другу насмешливые имена», которые «сохраняются за крестьянами до самой старости и вытесняют их христианские имена».

Таким образом, можно отметить, что традиция давать прозвища унаследована детьми от взрослых. Но они пошли дальше: создали рифмованные прозвища.

Этим прозвищам уделил большое внимание Г. С. Виноградов («Детская сатирическая лирика»). Ученый отмечал, что большая часть эпитетов, встречающихся в прозвищах, – приложения, и назвал их «эпитетами-прозвищами». Наибольшее распространение получили эпитеты, созданные на основе созвучий: Петька-петух, Мишка-медведь, Аркашка-таракашка, Андрей-воробей.

Рифмованные прозвища, бытующие в детской среде, дали начало **дразнилкам**. Некоторые из них почти не отличаются от прозвищ. Разница состоит лишь в том, что прозвище прикрепляется к какому-то определенному лицу в качестве устойчивого именованья, а дразнилка применяется только по случаю и не закрепляется за отдельным человеком.

Дразнилки как поэтические произведения, относящиеся к сатирическому детскому фольклору, привлекли внимание ученых достаточно давно. В. П. Шейн опубликовал более 60-ти текстов. Он называл их передразниваниями и прибаутками, «которыми шаловливые ребяташки потешаются и друг над дружкой и над взрослыми, издеваясь то над их именами от крещения, над их сословными, даже телесными недостатками, то над их принадлежностью к иной, не русской национальности и т.п.». Прозвища и дразнилки записывали Г. Н. Потанин, В. С. Арефьев, О. И. Капица и др. Самое большое количество дразнилок (180 текстов) было собрано М. В. Красноженовой. Ученые рассматривали прозвища как одну из сторон детского быта, характеризовали поэтический строй произведений, особенности исполнения, эмоциональное воздействие на участников словесной забавы.

Г. С. Виноградов отмечал, что умение найти «шевелиющее, задирающее за живое» обнаруживается в детском словесном творчестве едва ли не даже в более едкой форме, чем у взрослых.

По словам ученых, среди дразнилок XIX века было много таких, в которых звучали социальные мотивы: «Поля, Поля, Пелагея, / вышла замуж за лакея!», «Саня поп! Чирий в лоб!». Бытовали тексты, в которых высмеивались физические качества человека: «Рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой».

Дразнилки могут быть очень короткими, состоящими лишь из имени и приложения: Жора-обжора, Лиза-подлиза, Танюшка-лягушка, Нинка-корзинка. Наряду с этим встречаются дразнилки-стихи (из 4-х и более строк):

– Петька-петух
На завалинке протух!
– Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй.
К тебе девочки придут
Поцелуют и уйдут;
– Андрей-воробей,
Не гоняй голубей.
Гоняй галочек
Из-под палочек!
(Голуби боятся,
На крышу не садятся!)

Среди дразнилок более позднего времени стало меньше дразнилок о внешности, и больше таких, которые характеризуют нравственный облик (пусть по-детски наивно):

– Ваня толстый,
Ваня жирный,
Ваня поезд пассажирный;
– Витя-титя-карапуз,
Съел у бабушки арбуз
Бабушка ругается,
Витя отпирается:
«– Это, бабушка, не я,
Это рыжая свинья!»
– Сона – засоня,
Куколка – балетница,
Вображуля, сплетница!
– Леня, Леня-требуха,
Съел корову и быка,
Семьсот поросят,
Бочку борщу
И кричит: «Я есть хочу!».

Значительно больше стало «ничейных» текстов, которые можно «применить» к любому человеку или даже к целой группе:

Девчонка-печонка,
Съела поросенка!

Жадина, жадина,
Жадина, говядина!

Девчонка-печонка,
Съела поросенка!
Поросенок жирный,
Поезд пассажирный!

Жадина-говядина,
Соленый огурец,
По полу катается,
Никто его не ест!

Обманули дурака
На четыре кулака,
А дурак послушал
И лягушку скушал!

Ябеда корябида,
Соленый огурец,
По полу катается,
Никто его не ест!

Вор, вор!
Не ходи ко мне на двор;
Тебя кони забодают

Нынче воскресенье
Девочкам – печенье,
А мальчишкам дуракам

И коровы залягают!

Палкой, палкой по бокам!

Дразнилки испытывают влияние частушек, некоторые усвоили считалочную поэтику.

По словам, ученых, дети старше 12 лет используют дразнилки редко. Эти произведения бытуют в среде дошкольников и младших школьников. Эстетическая и нравоучительная ценность дразнилок весьма сомнительна. Но не вызывает сомнения тот факт, что педагогу следует знать о них, как об одном из фольклорных жанров, бытующих в детской среде.

Страшилки

Страшилки (страшные истории) – это устные прозаические произведения, «условно-реалистической или фантастической направленности, имеющие, как правило, установку на достоверность» (М. Н. Мельников). Трагедии – происходящие в страшных историях – «результат действия сверхъестественной силы, врывающейся в человеческую жизнь». Их существование и распространение, интерес к ним объясняются тем «своеобразным наслаждением», той возможностью пережить «эмоциональный катарсис», которую получают дети (М. Осорина).

О. Н. Гречина и М. В. Осорина утверждали, что страшные рассказы бытуют в детской среде достаточно давно. Подтверждение этому они находят в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг», в словах из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» («Страшные рассказы зимой в темноте ночей»).

Но страшилки как жанр, очевидно, сложились, гораздо позднее.

При этом они имеют древние корни. С давних времен в людях жила потребность трагического. Причем трагического не только как эстетической категории, но и как формы тренировки психики. Это вызвано тем, что трагическое присуще самой сути жизни (стихийные бедствия, смерть и т. п.), что выживаемость в стрессовых ситуациях обеспечивалась предшествующей тренировкой психики, способностью справиться с эмоциональными перегрузками. Эти функции, наряду с другими, несли былички, легенды, баллады, слухи и толки, вызывающие естественную потребность сопереживания.

[Отойдем ненадолго от темы. Вот теперь вы способны ответить на вопросы: Почему люди смотрят фильмы ужасов? Почему в новостях так любят «смаковать» подробности каких-либо происшествий, связанных со стихийными бедствиями, увечьями, смертями и т. п.?)

Еще раз отметим, что традиционно, с древности, особое место среди «страшных историй» занимали былички и легенды.

Оба эти жанра существуют до настоящего времени:

былички – это произведения, в которых действуют водяные, русалки, домовые, ходячие покойники и другая нечисть;

легенды – произведения, в которых рассказывается о вмешательстве в человеческую жизнь Бога, святых или демонических, о совершаемых ими «чудесах, оказывающих влияние на человеческие жизни.

Ученые считают, что именно эти жанры заложили основу страшилок. Но самих страшилок в древности еще не существовало. Пока потребности трагического сопереживания, преодоления страха удовлетворялись за счет традиционных жанров, не было «почвы» для возникновения жанра нового. Только несколько десятилетий назад, когда былички и легенды выпали из активного репертуара взрослых как средство тренировки детской психики (а необходимость в такой тренировке не исчезла), возникли предпосылки для возникновения нового жанра, способного удовлетворять эту потребность.

Говоря иными словами, можно отметить, что о вреде страха написано очень много. И все это правда. Но оказывается, что страх еще и полезен. Он является спасительной реакцией, обеспечивающей жизнеспособность человека; воспитание смелости и твердости духа без него невозможно.

По мнению Г. И. Мамонтовой, арсеналом и почвой страшилок являлись не только былички, но и сказки. О позднем происхождении жанра свидетельствует система его образов, бытовая атрибутика (рояль, радио, такси, мясорубка, милиция и т. п.).

Из быличек в страшилки вошли некоторые образы (ведьма, колдунья), мотивы волшебного превращения (перчатка – ведьма), установка на достоверность.

Из сказки заимствованы:

- традиционные зачины («Жили-были...», «В одном доме жили...»);
- прием троекратного повторения эпизодов;
- мотив нарушения запрета, определяющего развитие сюжета (запрет покупать черные шторы, носить черные бантики, оставлять открытой дверь и т. п.);
- «действующие» предметы (бантики, которые душат девочку, пианино, из которого высовываются руки).

Для страшилки характерен острый трагический конфликт, который развивается на основе противопоставления двух традиционных фольклорных начал – «добра» и «зла». Зло может быть представлено одушевленными образами (мачеха, ведьма, старуха, старик) либо неодушевленными предметами (рояль, шторы, перчатки и др.), за которыми скрывается одушевленное существо (мотив превращения, оборотничества).

О. Н. Гречина и М. В. Осорина выделили следующие группы персонажей: 1) пострадавшие; 2) вредители или агрессоры; 3) добрые помощники.

По характеру развития конфликта Г. И. Мамонтова выделяет следующие группы страшилок:

1) страшилки с трагическим исходом: «зло» побеждает добро. Это так называемый основной вариант – собственно страшилки. (В частности, ребенка поймали, перекрутили через мясорубку, сделали пирожки. Мама купила пирожок и увидела в нем ноготь своей дочери...);

2) страшилки с благополучным исходом («Добро» побеждает «зло». Вмешиваются взрослые, знакомые, милиция (полиция) и т. п. И ребенок (а он обычно является главным героем) спасен);

3) страшилки эффекта. В них конфликт, как правило, не разрешается. (Вначале идет подготовка к чему-то ужасному: «В одном черном-пречерном городе стоял черный-пречерный дом. В этом черном-пречерном доме была черная-пречерная лестница...». По ходу рассказывания «замогильным голосом» нагнетаются эмоции. Когда слушатель уже достаточно «подготовлен», текст подходит к концу. В частности, после всего «черного-черного» речь доходит до скелета, находящегося в гробу. И все заканчивается неожиданным и громким восклицанием типа: «Отдай мое сердце!»);

4) страшилки наоборот. Ю. Г. Круглов называет произведения этого типа «антистрашилками». В них разрешение конфликта вызывает смех. (Произведение надо слышать, в письменной форме его передать достаточно сложно.

Сейчас попробую просто написать так, чтобы вы «почувствовали» текст. Так вот: Ночью семья спит и слышит, что из кухни раздаются странные звуки: «Кап-кап-кап...» Вначале поднимается отец и говорит: «Пойду, посмотрю, что там происходит». Выходит на кухню и не возвращается. Потом поднимается мать, за ней – один ребенок, другой... И назад в спальню никто не возвращается...

Все это рассказывается тихим голосом, почти шепотом... Атмосфера нагнетается...

Потом сообщается, что на кухню выходит последний ребенок... И тут наступает перелом интонации. Сообщается о том, что, выйдя на кухню, ребенок видит, что все члены его семьи сидят и смотрят на капающий кран).

В страшилках очень значима функция цвета. Персонажи обрисовываются скупой, весь предметный мир – схематично, только «зловещий предмет ... обладает цветом», черным или красным. Черный цвет – традиционный для русской культуры цвет траура, смерти. «...Наличие эпитета «красный» (красные сапоги, красные шторы, красное пятно) сигнализирует об обязательном трагическом исходе. Цвет перерастает рамки эпитетов, воспринимается как определенный действующий образ (Гречина, Осорина). Таким образом, именно в страшилках перед ребенком раскрывается эмоциональное и даже (в доступной форме) символическое содержание эпитетов.

Ученые называют страшилки жанром «истинно детского фольклора», указывают, что влияние взрослых на него минимально даже в сравнении со считалкой и дразнилкой; в нем «чрезвычайно резко и своеобразно отразились многие характерные черты ранней детской логики,

детского мышления и восприятия мира, часто непонятные взрослому». Этим определяется требование предельной напряженности, динамичности сюжета, что, как правило, приводит к строгой последовательности событий.

«Сюжетная схема страшилок проста и даже бедна, ей недоступна сложная комбинация мотивов, многоплановость действия» (Гречина. Осорина).

Безусловно, из сказки пришли в страшилку табуирование (запрет) и следующее за нарушением запрета наказание. Но за пределами логики остаются мотивы, которыми руководствовались родители (взрослые), не желающие (запрещающие) приобретать требуемый ребенком предмет (красные ленты, черное пианино и т. п.) и сам ребенок, нарушающий запреты, что несет ему страдания или даже гибель.

В произведениях, создаваемых взрослыми, такие установки определяются требованиями дидактики, ориентацией родителей или воспитателей. В «собственно детском творчестве» – это, видимо, художественное отражение пусть пока минимального жизненного опыта детей, делающих вывод, что за каждым наставлением (требованием, запретом) взрослых стоит подлинное знание того, что пока еще недоступно уму ребенка.

Изучение страшилок привело ученых к выводу, что возраст детей, начинающих проявлять интерес к страшилкам, – 6–7 лет; предельный возраст носителей этого жанра – 13–14 лет. Это подтверждает выводы В. С. Выготского, что «творческая деятельность воображения находится в прямой зависимости от богатства и разнообразия прежнего опыта человека, потому что опыт представляет материал, из которого создаются построения фантазии».

Очевидно, что страшилки выступают для детей определенного возраста как средство познания окружающего мира с его сложными связями, с борьбой противоположностей (добра и зла).

Садистские стихи (черный юмор, садистские куплеты, сажушки и др.) – единственный фольклорный жанр, возникший в последние десятилетия (их формирование ученые связывают с 70–90-ми годами XX века). В быту эти произведения также называют страшилками.

Несмотря на содержание произведений ученые изучают их достаточно активно (как свидетельство «живучести» фольклора и его связи с изменениями, происходящими в общественной жизни). Автор одного из учебников «Литературное образование дошкольников» З. А. Гриценко сочла необходимым дать характеристику этого жанра в своей книге. Очевидно, предполагается, что, если такое явление существует бытует в среде современных детей, дошкольному педагогу необходимо иметь о нем представление.

В этом учебнике отмечается, что устанавливая корни садистских стихов и объясняя причины их распространения, фольклористы указывают на их противостояние официальной идеологии, на распад естественных человеческих связей, ставших основной темой таких произведений, на низкие эстетические потребности многих детей и взрослых.

В то же время отмечается, что «...фантазмагория садистских стихов отвечает глубинным потребностям детского сознания (М. П. Чередникова; цит. по З. А. Гриценко).

В начале своей истории садистские стихи были одинаково интересны и детям, и взрослым. Популярность их была настолько велика, что их публиковали и обсуждали не только в массовых, но и в специальных изданиях (журнал «Детская литература», «Литературная газета»). Время активного бытования таких произведений характеризуется нестабильной экономической и политической обстановкой, падением уровня культуры. Детская незащищенность, семейные драмы, отсутствие психологически комфортных контактов во взрослыми в детском саду, и в школе, на улице и дома, непосильные физические и интеллектуальные нагрузки, с одной стороны, и вечная тяга детей к «сладостно-страшному удовольствию» (В. Г. Белинский), с другой стороны, стала той почвой, которая вызвала пик популярности садистских стихов.

Под садистскими стихами понимается стихотворные произведения, где изображается условный трагический мир с изуродованными человеческими отношениями. В отличие от страшных историй (страшилок), трагедия здесь – результат действия разрушительной силы, «которую несет в себе сам человек» (М. П. Чередникова):

Я остался без сестрички,

Вот спасибо электричке.

Автор едва ли не первой статьи о садистских стихах С. Тихомиров возводит этот жанр к кровавому обряду инициации. По его словам, ужасы древних испытаний, сохранившихся на генетическом уровне, возводились в современных произведениях, одним из героев которых нередко является маленький мальчик.

Отмечается также, что влечение к ужасному и стремление понаблюдать за чужими мучениями в целом свойственно человеческой культуре (бои гладиаторов в Древнем Риме, коррида в Испании, боксерские поединки, тема смерти в искусстве и т. п.) (И. А. Бутенко). Пристрастие к осмеянию уродств, насмешки над смертью и страданиями отчетливо проявляются также в балаганах, в лубочной литературе, в речах героев карнавалов, шутов и т. п. По словам М. Бахтина, в этом случае можно говорить о «карнавальном отношении к смерти». Кроме того, ученые отмечают существование «обрядового смеха», сопровождающего смерть Масленицы, Костромы. «Магическое значение имело не всякое праздничное веселье, не всякий смех, а смех при растерзании и вообще умерщвлении куклы», – писал известный фольклорист В. Я. Пропп.

Наряду с этим можно отметить, что в садистских стихах есть прочные корни с волшебными сказками и сказками литературными («Крокодил» К. И. Чуковского), со стихами современных поэтов (О. Григорьев, Г. Сапгир, Г. Остер). Например:

Пришельцы были на земле.
Тарелка села на столе.
Пришельцы с виду, как салат,
Вот их и съели, говорят (Г. Сапгир «Тарелка»)

Но более всего садистские стихи связаны с реальной действительностью. Техногенный мир, наводящий ужас на человека своей силой и бездушным автоматизмом, засилье псевдокультуры и псевдоценностей, культ насилия, который, по сути, пропагандируется в киноиндустрии (фильмы ужасов, боевики и др.) – все это нашло отражение в садистских стихах. В них представлена логика обреченности детства, лишение его естества. Пребывая в абсурдном мире, герои произведений, носители и исполнители жанра, слушатели – все испытывают одинаковый страх перед реальностью. Здесь ложный, черный юмор, «смех идиотов» (М. П. Чередникова):

Маленький мальчик льдинки колот.
Сзади к нему подошел ледакол.
Громко смеются веселые дети:
Справа пол-Пети и слева пол-Пети.

При этом садистские стихи ориентированы вовсе на то, чтобы вызвать смех. Их основная функция – защита от многочисленных страхов, частично идущих от современных условий жизни, частично – от древности. Главный среди таких страхов – страх смерти, описания которой встречаются почти в каждом стихе. Как уже было отмечено ранее, тема смерти очень волнует детей, не случайно она «обыгрывается» в страшилках. В стихах наличие бытовых деталей, конкретизация места действия, натурализм описаний – все свидетельствует о смерти и ее угрозе. Но из сферы таинственного, загадочного и страшного она переводится в разряд привычных, земных и заурядных явлений:

Недолго мучилась старушка
на телеграфных проводах.
Ее обугленная тушка
Еще три дня пугала птах.

Я спросил электрика Петрова:
«Ты зачем надел на шею провод?»
Ничего Петров не отвечает,
Только ветер труп его качает.

Маленький мальчик на крыше сидел,
Был бы он бабочкой, он б полетел.

Тихо подкрался с дубинкою кто-то –
Вот и сбылась мечта идиота.

Обращение к теме смерти с помощью специфических средств (садистских стихов) оказывается способом достижения очищения от страха, тревоги и отчаяния, которые охватывают человека, осознающего, что он смертен. Высмеивая устрашающие ситуации человек как бы отстраняется от них, видит себя более сильным и неуязвимым. Такой карнавальным, очищающий смех оказывается победой над смертью, ее преодолением (И. А. Бутенко).

Тема смерти – главная, но не единственная в садистских стихах. Не менее важным оказывается изображением отношений между взрослыми (родителями) и детьми. Взрослые очень часто изображаются в неприглядном виде:

Маленький мальчик на вишню залез.
Дядя Федот достал свой обрез,
Выстрел раздался, и вырвался крик.
«Двадцать седьмой», – ухмыльнулся старик.

Маленький мальчик на стройке гулял,
В бочку с бензином случайно попал,
Стал задыхаться, высунул нос,
Добренький дядя спичку поднес

При этом в роли тех, кто причиняет вред детям, часто выступают не посторонние люди, а их родители, которые делают это шутя:

Девочка в поле гранату нашла,
К папе с вопросом она подошла.
«Дерни колечко», – папа сказал.
Долго над полем бантик летал.

Девочка просит: «Дай мне конфетку!»
Мама сказала: «Сунь пальчик в розетку!»
Вздрогнуло тельце, обуглились кости,
Долго смеялись над шуткою гости.

Очевидно, с помощью стихов происходит подготовка к будущему (после взросления ребенка) ослаблению семейных связей. Иллюзорное освобождение достигается с помощью известного в психологии приема – уничижения другого, показа его в неприглядном свете.

Садистские стихи легко группируются по тематическому принципу. В них раскрываются темы взаимоотношения взрослого и ребенка, отношений внутри детского коллектива и т. п. Много стихов посвящено изображению подстерегающих ребенка опасностей, которую несет в себе мир.

В садистских стихах в роли пострадавших обычно выступают дети. Но иногда они обрисовываются как «злодеи», чьи «шалости» оказываются отнюдь не безобидными:

Девочка деда любимого брила,
Не удержалась, чуть-чуть пошалила.
Стало лицо у него вроде груши:
Дедушка старый – зачем ему уши.

Дети в подвале играли в гестапо,
Зверски замучен сантехник Потапов.
Уши гвоздями прибили к затылку,
Сантехник не выдал, где спрятал бутылку.

Мальчик в лесу отыскал пулемет –
Больше в деревне никто не живет...

Мальчик в лесу отыскал пулемет –
Больше в деревне никто не живет.
Кроме деда-оглоеда, у которого торпеда,
Кроме бабки-паразитки, у которой две
зенитки.

У садистских стихов есть разные варианты, один из которых – хеппиэндовки. Подобно одной из разновидностей страшилок они вначале «нагнетают ужасы», а потом показывают всю ситуацию со смешной стороны:

Красные капли текут по стене.
Дядя с ножом подбегает ко мне...
«Можно ль растяпе такой доверять?
Даже арбуз не смогла удержать!»

Поэтика садистских стихов незамысловата: они имеют сюжеты (вернее, очерчивают какую-то ситуацию), характеры персонажей в небольших по объему стихах (обычно 2–4 строки) не раскрываются; текста, как правило имеют парные рифма (точные или неточные). Садистские стихи связаны с низким эстетическим уровнем восприятия искусства.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что функции у садистских стихов такие же, как у страшилок, психологические. Человек (в том числе – ребенок), смеясь, освобождается от страхов и

ужасов, существующих в окружающем мире.

3. Пословицы и поговорки

Пословицы и поговорки не являются жанром детского фольклора. Но по своей форме и содержанию они представляют собой материал, который может быть использован в процессе литературного образования дошкольников.

Пословицы, поговорки и загадки входят в число малых фольклорных жанров. Загадки занимают в этом ряду особое место: они перешли в детский фольклор. Пословицы и поговорки – прежде всего используются взрослыми, но часть из них вошла и в детский обиход.

Собирание пословиц и поговорок началось еще в XVIII веке. Научное собирание этого жанра начал М. В. Ломоносов. Приоритет в этом деле принадлежит В. И. Далю (XIX век), собравшему, опубликовавшему и изучившему 30 тыс. пословиц и поговорок.

Существует научное и образное определение **пословиц**. Образные определения содержатся в самих пословицах:

- «Пословица к слову молвится»,
- «Пословица не даром молвится»,
- «Старая пословица век не сломится»,
- «Красна речь с пословицей»,
- «Без углов дом не строится, без пословицы речь не молвится»,
- «Пень не околица, глупая речь не пословицы»,
- «От пословицы не уйдешь»,
- «Добрая пословица не в бровь, а прямо в глаз»,
- «На пословицу, что на дурака, и суда нет»,
- «Пословица груба, да в ней правда любя» и др.

Образное определение пословицы дал также В. И. Даль: пословица – «цвет народного ума, самобытной стати; это житейская правда, своего рода судебник, никем не судимый».

Одно из первых научных определений жанра дал Ф. И. Буслаев: Пословицы мы будем рассматривать как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы».

Главными чертами жанра могут считаться следующие:

1) содержание пословицы не надуманно. Оно тесно связано с жизнью и бытом людей, концентрированно передает от поколения к поколению коллективный народный опыт, правила общежития;

2) пословица является кратким и лаконичным, но в то же время ярким, образным и афористичным художественным изречением;

3) пословица, вобрав в себя опыт и мудрость многих поколений людей, стало кодексом нравственности, ориентиром для разрешения типовых ситуаций, которые возникают в человеческой жизни;

4) пословица – это философский жанр; в ней представлены воззрения народа, представлена система взглядов на различные жизненные проблемы.

Естественно, что детям понятны не все пословицы и не все они имеют прямое отношение к жизни детей. В частности, дошкольникам «не нужны» пословицы, говорящие о ситуациях очень далеких от их повседневной жизни: «Невесту выбирай не в хороводе, а в огороде», «Бабы каются, ж собираются», «В девках душно, а в бабах скучно», «Суженого конем не объедешь», «Кто на борзом коне жениться поскачет, тот скоро заплачет» и т. п.

В то же время детям будут близки и понятны пословицы о дружбе: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Старый друг лучше новых двух», «Без друга в жизни туго», «Вдруг на станешь друг», «Верному другу цены нет», «Друг дороже денег», «Гусь свинье не товарищ», «Дерево живет корнями, а человек друзьями», «Дружное стадо и волков не боится»;

– пословицы о труде: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Была бы охота – заладится всякая работа», «Где хотенье, там и уменье», «Дело мастера боится», «За все братья – ничего не сделать», «Кому работа в тягость, тот не знает радость», «Кончил дело – гуляй смело»,

«Кто не работает, тот не ест», «Глаза боятся, а руки делают», «Дело страшно до зачину», «Труд человека кормит, а лень портит»;

– пословицы, которые «подсказывают» людям, как относиться к сложным ситуациям, и указывают на возможные последствия их действий: «Любишь кататься, люби и саночки возить», «Терпенье и труд все перетрут», «Что посеешь, то и пожнешь», «Нет худа без добра», «Волков бояться – в лес не ходить»;

– пословицы, которые характеризуют взаимоотношения людей: «Совет хорошо, а дело лучше», «Как аукнется, так и откликнется», «В тесноте, да не в обиде», «Где теснее, там дружнее», «Ворон ворону глаз не выклюет», «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется», «Доброе слово и кошке приятно», «Где слова приветя, там улыбка для ответа», «На чужой каравай рот не разевай», «Почет дороже денег», «Из похвал шубу не сошьешь», «Один в поле не воин», «Чужим добром не построишь дом», «К людям ближе – счастье крепче» и др.

Еще В. И. Даль предложил классифицировать пословицы «по смыслу». Такая классификация (тематическая) используется до настоящего времени. Правда, при этом признается, что пословица – предельно краткий жанр и в то же время необыкновенно емкий, а порой и многозначный. Одни и те же тексты могут использоваться в разных ситуациях и таким образом входить в разные тематические группы. Например, пословица «Терпенье и труд все перетрет» может считаться пословицей о труде, но она же говорит о том, как воспринимать житейские трудности. «Каков поп, таков и приход», «Яблоко от яблони недалеко падает» – так можно сказать о матери и детям, о руководителе и его подчиненных.

Пословицы имеют разную структуру. Они могут быть одночастными, двухчастными и даже (редко) трехчастными:

«В тихом омуте черти водятся», «Всяк сверчок знай свой шесток», «Сор из избы не выносят»;

«Птица сильна крыльями, а человек – дружбой», «Береги платье снову, а честь смолоду», «Пень – не околица, глупая речь – не пословица», «Согласье в семье – достаток в дому, раздоры в семье – пропадать всему», «Человек без семьи, что дерево без плодов»;

«Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука»; «Молода жена плачет до росы утренней, сестрица – до золота венца, мать – до веку»

Поговорка – широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление (В. П. Аникин)

Поговорка очень близка к пословице, но при этом отличается от нее. Не случайно говорится: «Поговорка – цветочек, пословица – ягодка».

Иными словами. Пословица – законченное выражение, а поговорка – только его часть; она не образует законченного суждения, а лишь намечает на него, по сути, представляет собой образ, замещающий одно или несколько слов: «пороху не выдумает», «без царя в голове» (глупый), «как корова языком слизнула» (исчезло бесследно), «когда рак на горе свистнет» (никогда), «остаться у разбитого корыта» (остаться ни с чем) и т. п.

Существует ряд выражений, которые могут выступать как поговорки (в незавершенной форме) и как пословицы (завершенное предложение):

И нашим, и вашим – И нашим, и вашим за копейку спляшем;

Ума палата – Ума палата, а ключ потерялся;

Чужими руками жар загребать – Чужими руками жар загребать легко;

Воду в ступе толочь – Воду в ступе толочь – вода и будет;

Семь пятниц на неделе – У него семь пятниц на неделе, восьмое – воскресенье.

Первые части таких пословиц употребляются как поговорки. Достаточно намека, чтобы понять, о чем идет речь.

В живой разговорной речи поговорка может становиться пословицей (к ней добавляются слова, чтобы образовалось завершенное предложение), а пословица – поговоркой.

Береги честь смолоду – Береги платье снову, а честь смолоду;

В глаза ласкает – В глаза ласкает, а за глаза лает;

Волков бояться – Волков бояться – в лес не ходить;

Яблоко от яблони – Яблоко от яблони недалеко падает;
Не буди лихо – Не буди лихо, пока оно тихо;
Моя хата с краю – Моя хата с краю, ничего не знаю;
Слово не воробей – Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

Пословицы, особенно двухчастные, нередко «сокращаются», поскольку и без этого всем понятно, о чем идет речь (правда, поговорками они при этом не становятся, поскольку даже их отдельные части представляют собой законченные суждения):

В одной суме – да разные денежки – В одной суме – да разные денежки, в одной семье – да разные детушки;

Птицы в гнезде до осени – Птицы в гнезде до осени, дети в семье до возраста;
В семье не без урода – В семье не без урода, а уроду все не в угоду;
Дерево ценят по плодам – Дерево ценят по плодам, а человека – по делам;
Не за свое дело не берись – Не за свое дело не берись, за своим – не ленись;
Здоровье приходит днями – Здоровье приходит днями, а уходит часами.

Русская речь наполнена поговорками; они придают ей красочность, выразительность, эмоциональность (свалился, как снег на голову; сидит тихо, как мышь под веником; глуп как пробка; идет, как корове седло, покатиться со смеху, показать, где раки зимуют и др.).

Поговорки настолько органично входят в сознание многих людей, что, употребляя эти выражения, они сами этого не замечают.

Подчеркивая художественные особенности поговорок, М. А. Рыбникова писала: «По своей сущности поговорки – это поэтическая форма слова: метафора, сравнение, эпитет, определение».

Метафора: медведь на ухо наступил; заморил червячка;
сравнение: сидит как на иголках; вертится как белка в колесе; тощ как хвощ
эпитет: горькая правда, больной вопрос

Пословицы и поговорки иногда включаются в другие фольклорные жанры. Например, в финале сказки «Лиса и журавль» звучит пословица: «Как аукнется, так и откликнется». Встречается в сказках пословица: «Кто старое помянет, тому глаз вон».